

Терный Саша

3.8.95

Русская мысль - Париж -
«Вы все единой дон-кихотской расы...»
1995 - 3-9 авт. - с. 11

Саша Черный в эмиграции предста-
ет как поэт иного звучания (он и под-
писываться стал «А. Черный»). Роман
Гуль, встречавшийся с ним в начале
20-х годов, вспоминает: «Держался он
сдержанно, был малоразговорчив, но
под этой сдержанностью вы чувство-
вали и характер, и твердые убежде-
ния. (...) В Саше Черном жила огнен-
ная ненависть к большевизму. Такая
была разе что у Бунина времен "Ока-
ненных дней". Но даже и у Бунина она
была не так огненна».

Вскоре между ними налаживается
литературная связь. Впервые в своей
жизненной практике Саша Черный
выступает как редактор — ему доверя-
ют заведовать литературной частью
едва ли не самого роскошного журна-
ла эмиграции «Жар-Птица». Комми-
юнерствуя по добыванию изящной
словесности, Саша Черный пишет
Куприну, тоже оказавшемуся в изгна-
нии, просит его: «Если знаете, сооб-
щите адрес Ив. Ал. Бунина — говори-
ли, что он переехал». Списать на
надо полагать, удалось, ибо на стра-
ницах «Жар-Птицы» появляются под-
борка новых стихов Бунина, его новое
фото, а также эссе о нем С. Полякова-
Литовцева.

Саша Черный ценил не только поэ-
зию, но и прозу Бунина. Дань его вос-
хищения бунинским мастерством до-
носит до нас письмо Саши Черного к
К. И. Чуковскому, датированное фев-
ралем 1917 года. В нем содержится
следующее признание: «Прочел недав-
но "Человека из Сан-Франциско" —
Бунина. Вот вещь! После такого
рассказа все Борисы Лазаревские
должны поступить в кассы мелкого
кредита».

Наиболее полно и углубленно о
творчестве Бунина Саша Черный вы-
сказался, пожалуй, в рецензии на бу-
нинскую книгу «Роза Иерихона» (Бе-
рлин, 1924 г.). Поводом для ее написа-
ния послужил обзор эмигрантской ли-
тературы, появившийся в советском
журнале «Красная новь» (№3, 1924 г.).
Автор — Ник. Смирнов озаглавил
статью «Солнце мертвых». И в этом
аспекте — аспекте угасания и мертвен-
ности — разбирает он творчество наи-
более видных писателей русского за-
рубежья. В центре внимания Бунин, о

стихах которого сказано, что «со сто-
роны их литературной значимости
они все же остаются крайне посредст-
венными, технически слабыми: поэт,
по справедливости награжденный
когда-то масличной ветвью класси-
цизма, становится Тредьяковским в
черной ризе пророка Иеремии».

Этот безапелляционный приговор
вызвал у Саши Черного взрыв негодо-
вания. «Оскорбленная любовь» не
могла стерпеть подобного кощунст-
венного попрания святынь. С безо-
глядной решимостью «рыцаря без
страха и упрека» бросается он в бой,
сменив поэтическую лиру на шпагу
критика и публициста. Каждому тако-
му отклику Саши Черный придавал
значение некоей общественной функ-
ции, долженствующей воздать по
справедливости добру и злу. Думае-
ся, эта критическая отповедь, впервые
напечатанная в «Русской газете» (Па-
риж, 29 ноября 1924 г.) и с тех пор не
публиковавшаяся, не потеряла интере-
са и по сей час.

Остается добавить, что имена Бу-
нина и Саши Черного нередко соседст-
вуют на страницах эмигрантской печа-
ти. Объясняется это не только тесно-
той литературного мира в изгнании.
И тот и другой принимают участие во
всякого рода благотворительных ак-
циях, воззваниях, сборах и выпусках,
таких, как «Русский инвалид», «Рус-
скому мальчику», «День русской куль-
туры» и т. д. По справедливому заме-
чанию М. А. Осоргина, откликались «и
по личной доброте, по личному пони-
манию, что такое нужда и, конечно,
ради единственного радостного удов-
летворения, — что вот можно, ничего
как будто не имея, дать больше, чем
имеющий».

Можно вспомнить еще альманах
для юношества «Русская земля», вы-
шедший в 1928 году под редакцией
А. М. Черного. В числе авторов — Бу-
нин. Словом, цепь контактов и сопри-
косновений протягивается через всю
эмигрантскую эпопею писателей. Вот
только любовь эта, судя по всему,
осталась безответной. Никаких следов
Саши Черного — отзывов или хотя
бы упоминаний — в опубликованных
доселе материалах Бунина обнару-
жить не удалось.

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ

Окончание. Начало в «РМ» №4088.

Саша Черный

Русская мысль - Париж -
1995 - 3-9 авт. - с. 11

«Роза Иерихона»

Утверждение — большая и редкая
радость в наши черные, взбаламучен-
ные дни.

Большевистский самум не пощадил
в своем разгуле ни быта, ни науки, ни
искусства. Лавина красных сборников
и пролетарских антологий ни о каком
ренессансе не свидетельствует. Одни
— последние из стойких — молчат,
ибо давняя николаевская цензура, о ко-
торой повествовал в своем дневнике
Никитенко, — кроткое и доброе дитя
в сравнении с красным карандашом.
Другие, скрепя сердце, ушли в архив-
ные изыскания, исследуют пушкин-
ские многоточия, переводят, — в этой
работе хоть какая-то тень независи-
мости, хоть остатки русской культуры
забронированы от комсомольского
окрика. Художественная литература в
лапах новых таперов. Неудачники и
кустари вылезли из всех щелей. Одних
поэтов хватило бы на население гу-
бернского города. Проза — вычурно-
телеграфный код, с устремлением в
зоологический натурализм фирмы
Пильняк и К°, либо бульварно-
циничная эренбургщина, — семечки,
товар дешевый и ходкий. Сотни сезон-
ных гениев, сотни взаимно заушаю-
щих одна другую теорий... Крикли-
вый и пестрый базар.

За рубежом — усталость, тяжелая
литературная поденщина, поток «вос-
поминаний», дробление рассказов на
газетные отрывки. Нет своего угла,
подлинный читатель обнищал, изда-
тельства после берлинского Аранжу-
ца переживают горькое и мутное по-
хмелье. Мечтать ли о книге?

И вот перед глазами — книга масте-
ра. Рука не отяжелела, язык — глав-
ный герой бунинской прозы — так же
полнозвучен и насыщен краской, све-
том и интонациями. Так легко при-
нять и утвердить этот дар, не подводя
его ни под какие словесно-критические
нормы: романтизм ли это, неореа-

лизм или какой-либо другой «изм»?
Пусть судят высокие снепы.

Одно несомненно ясно. У многих
бормотальщиков, с чуждого голоса
навязывающих автору ненависть, су-
хость и человеконенавистничество, —
глаза, очевидно, на затылке. Писать о
себе и о своем нелегко и не всегда нуж-
но. Прочтите сдержанные и воз-
вышенно-печальные строки пролога к
книге: так не ненавидят.

...

О бунинском языке писали немало.
Он завершен, и сложен, и цветист, как
многокрасочная переливающаяся пар-
ча. Читаешь и видишь.

«Редкая острота душевного зрения»
— так пишет сам художник о счастли-
вых часах своего творчества. Острота
эта находит себе великолепное выра-
жение в той своеобразной словесной
живописи, которая так присуща Буни-
ну. Порой слово его, сгущаясь до эк-
стракта, становится даже избыточ-
ным. Русопет американской складки,
брянский мужик-делец, попавший под
экватор, не словами ли автора гово-
рит: «Стоял непрестанный шум океа-
на, пароход медленно клало с одного
бока на другой, и точно удавленники в
серых саванах, с распростертыми ру-
ками, качались и дрожали возле тру-
бы длинные парусиновые вентилято-
ры, жадно ловившие своими отвер-
стиями свежесть муссона...» («Сооте-
чественник»).

И в этой же книге — иного склада и
звучания завершенная простота и ус-
покоенность речи в апокрифе «Третьи
петухи», в восточной легенде «Гота-
ли». Третья струна: ядреный, просто-
народный лад сатирической сказки «О
дураке Емеле». Сказка эта, не вполне
четкая по замыслу, выходит, правда,
за пределы, очерченные прологом к
книге. Но язык так убедительно пока-
зывает, как широки и разнообразны

Иван Бунин.

изобразительные силы автора.

Переходя от рассказа к рассказу, так
легко и свободно подчиняешься силе
бунинской печали и любви. Любви?
Да, конечно! «Старуха» — служанка,
незаметный и затурканный гений до-
ма, — мяче и любовнее ее бы и Глеб
Успенский не зарисовал. «Пост»,
«Косцы», «Звезда любви», «Исход»,
«Далекое», «Преображение», — какая
любовь к России, какое внимание к ти-
хим дням человеческой жизни в их
полноте и обреченности... И если за-
вершающие рассказ «Старуха» стра-
ницы неожиданно резки и сатирически
беспощадны, то такая ненависть не
родная ли сестра поруганной любви,
встающей над шитом? Пора бы это
давно понять.

«Сны Чанга» из того же круга. Лю-
бовь зверя к человеку. Быть может,
зверь слишком человекочен. Упрекнем
ли художника? Когда человек звереет,
невольно обращаешь глаза к зверю: не
научит ли хоть он?

Любопытн сопоставить «Исход»
(тихую смерть старого князя) с жу-
ким и сильным рассказом «Огнь по-
жирогущий». Душа поэта словно со-
дрогнулась перед машинно-ко-
шунственным уничтожением праха,
лишенного последнего «уюта». Со-
дрогнулась как-то по-русски, вызывая
такую же встречную волну в читателе.

Более близкие нам по переживанию
рассказы «Конец» и «Несрочная вес-
на» читаешь с особенным волнением.
Конец ли? И если «некто, уже тлев-
щий в смрадной могильной яме, не по-
гиб, однако, до конца» («Несрочная
весна»), то, подобно ему, не все ведь
погибли. Не все русские глаза выколо-
ты, не все закрылись и там, и здесь, за
рубежом. Кто возьмет на себя горькое
право поставить последнюю мертвую
точку?

Холодно и жестоко построен пре-
восходный рассказ «Петлистые уши».
Дата шестнадцатого года. Такие вы-
родки в наши дни как бытовое явление
оправданы (даже с избытком!), и ге-
рой рассказа сегодня, наверно, в среде
салистов-чрезвычайников свою карье-
ру сделал. Но, конечно, не ему — дву-
ногий гиене, экспериментатору типа
Марианны Скублинской — вар-
шавской детоубийце, затмить в нашей
памяти образ сложной и несчастной
души Раскольниковой.

Хотелось бы сказать еще о многом:
об исключительной любви Бунина к
мору, — до галлюцинации выпукло
развертывается оно в тиши и грозе пе-
ред глазами читателя; о разработ-
ке внерусских тем («Отто Штейн») —
это ответственная для русского авто-
ра задача, давно вошедшая в круг из-
любленных им тем, выполнена с
обычным мастерством; о строгом и
суровом, но всегда волнующем подхо-
де его к великому таинству смерти. Но
рамки газетной статьи не широки.

...

«Роза Иерихона» раскрывается, как
и другие книги автора, двусторон-
ним складнем: проза-стихи. Созда-
лось такое ходячее мнение: бунинская
проза — высокое мастерство, но сти-
хи... знаете... Хорошо, да, — пейза-
жи, природа, но проза все-таки лучше.
Точно maestro, виртуоз на виолонче-
ли, для развлечения берется иногда и
за флейту. И, конечно, в похвалу
вспомнят строку: «Хорошо бы собаку
купить...» Слово кроме этой собаки
ничего и не было.

Это, впрочем, вполне естественно.
Северянинско-брюсовские пути высо-